

"Надежды маленький оркестрик..."

12+

Ольга Серова

Ольга Серова

Надежды маленький оркестрик...

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Серова О.

Надежды маленький оркестрик... / О. Серова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Мама так часто и ярко рассказывала нам о своем детстве, что оно стало частью и нашей жизни. Я уговорила ее записать эти рассказы, когда ей было уже под 90. Она тогда сражалась с онкологией, и я надеялась, что это как-то поддержит ее. Хотя она и так старалась наполнить свою жизнь смыслом: то начинала учить итальянский, то запоминала пушкинскую «Песнь о Вещем Олеге», то садилась писать отклик на какую-нибудь телепрограмму. Она всю жизнь сокрушалась о несбывшейся мечте стать писателем. Записки получились. Живые картинки времени, согретые сердцем. Живые настолько, что каждый раз, перечитывая их, я снова и снова смеюсь и плачу, люблю и надеюсь, верю и жду. Судьба этого поколения так тесно переплелась с судьбой страны, что трудно отделить одно от другого. Пожелтели старые фотографии, ушли те люди, но вглядываясь в их лица, мы смотримся как в зеркало - и лучше понимаем себя, страну, изменчивое время...Памяти моей мамы, Валиуллиной Розы Хадыевны

Ольга Серова

Надежды маленький оркестрик...

...Сведения о моих предках у меня очень небольшие: дедушку по линии мамы я впервые увидела в 1930 или 1931 году в Саратове, куда мы приехали с мамой, чтобы навестить родных. У них был свой небольшой дом, по-видимому, все они были уроженцы этого города. Семья тогда состояла из 6 человек – бабушка Аниса, дедушка Рамазан, дети Исмаил, Ахтям, Рабига (Рая) и Диля (Лида).

Дедушка и старший сын Исмаил работали грузчиками на мельнице, у бабушки было большое сердце, и она нигде не работала, поэтому мама в школе не училась, а как старшая дочь, вела хозяйство. Остальные учились.

Отец мой, Валиуллин Хады, 1898 года рождения, уроженец Ставропольского уезда Самарской губернии, название деревни не помню. Его родители и родственники были бедными крестьянами и все вымерли в голодные 20е годы.

Отец служил до 1929 или 1930 года, потом был отчислен в связи с пороком сердца и направлен на другую работу. На фотографиях того времени у него в петлицах по три кубика. В настоящее время, кажется, это соответствует званию лейтенанта.

Мама моя, в девичестве Кадырова Маргуба (Мария), родилась в Саратове в 1906 году. Хотя в школу она не ходила, но, выйдя замуж, как поголовно все население, обучалась в Ликбезе, и научилась более-менее сносно писать.

Где и как они познакомились с отцом, я не знаю. Гарнизон, в котором он слу-

жил,

наверное, часто передислоцировали – из рассказов мамы я запомнила названия городов: Царицын, Сталинград, Астрахань. Позже, уже в моей памяти – Стерлитамак.

Мои первые детские воспоминания именно о времени проживания семьи в Стерлитамаке, хотя, учитывая частые переезды, это могло быть и где-то в другом месте. Помню, я проснулась в своей кровати и увидела стоящего недалеко от меня, против окна, отца, он плакал и что-то делал с небольшим ящичком (как для посылки), который стоял на комод. Это умер мой братишка Вадим, по-видимому, совсем младенец.

Второе воспоминание – большая застекленная лоджия, яркий солнечный свет, мама моет полы, посреди комнаты стоит ведро с водой. Я стою возле ведра, на мне пышное в оборках светло-голубое «в шашечку» платье и туфельки с пуговичками. Я дразню или пугаю маму: «Мама, бух-бух!». Поскользнулась – и села в ведро с водой. Мама говорит, что было мне тогда около 2х лет.

... Там же, но уже чуть постарше, так как помню все очень подробно: квартира была на две семьи, в соседней с нами комнате проживала чета актеров театра. По утрам они у нас брали кипяток для чая (у нас кипел самовар). В это утро папа меня предупредил: «Если они придут за кипятком, скажи, что сегодня мы самовар не кипятили, но ни в коем случае не говори «потому, что у нас сахар кончился».

Я, как обычно, играла в большой и светлой прихожей. Идет соседка с чайником и спрашивает: «Розочка, самовар уже вскипел?» Я ей подробно объясняю, что самовар сегодня кипятить не будем, «папа не велел говорить, что у нас сахар кончился». Та повела меня в свою комнату, насыпала в мой передник пиленого рафинада и попросила скорее поставить самовар. На мою беду, отец в это время оказался дома, и мне «попало»: поставили в угол.

С отцом у меня связаны самые теплые чувства, он меня очень любил, и все мои воспоминания об играх связаны именно с ним. Придя со службы, он надевал мне на голову свою буденовку, вешал на меня портупею и планшет, и мы с ним вдвоем маршировали браво по комнате, громко распевая:

«Мы Красная кавалерия, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ
О том, как в ночи ясные, о том, как в дни ненастные
Мы гордо, мы смело в бой идем...»

Отец мой был удивительной честности и преданности делу Мировой революции. Это шолоховский Макар Нагульнов. Выходец из бедной крестьянской семьи, он свято поверил в идею построения всеобщего коммунистического братства, торжества справедливости на всей

Земле. Мне, крохе, он рассказывал, как страдают и гибнут от голода невольники-негры, и мы должны помочь им сбросить оковы, дать свободу, накормить всех. Тогда в ходу была марка МОПР (Международная организация помощи борцам революции), на которой негр разрывает оковы. Продавались значки-броши с изображением негрятят, резиновые и гуттаперчевые фигурки негрятят – все это символизировало наше братское единение и сочувствие. На одной из первых моих фотографий (“химическим” карандашом на ней помечен 1927 год), я в руке держу такую же черную куклу-голышку. Я стою на стуле в черных валенках, бархатном пальтишке с кружевной пелеринкой и пышным бантом на голове, мне уже год.

Было еще две фотокарточки того же периода —

на одной мне два года, я сижу, свесив ноги, на высоком красивом стульчике, облокотившись на стоящую передо мной декоративную резную тумбу, подперев кулачками щеки. А на другой я на трехколесном велосипеде, в матроске и

с большим

бантом (сразу видно, что меня очень любили и старались одевать красиво).

Жили мы на втором этаже, а лестница, очень высокая и крутая, в один марш, выходила прямо во двор. Вот с этой лестницы, как с горки на санках, я решила скатиться на папиных конторских счетах. Не помню, удалось ли мне съехать до конца, и кто меня, орущую, тащил вверх, помню только дикую боль от костяшек (а их там 120 штук – по 10 на каждом из 12 прутьев), ободравших мне кожу на спине и попке.

А в другой раз я втиснула свои ноги в ботинках в мамины гетры – высокие, как сапоги, ботинки на шнурках, а затем «нырнула» до самого пупа в папины сапоги и начала браво маршировать по комнате, чем вначале рассмешила папу с мамой. Наконец папа стал

раться на дежурство, и ему нужны были сапоги. Но не тут-то было – мои ботинки далеко и прочно втиснулись внутрь этого «пирога» и никак не хотели вытаскиваться. Папа хмурился, пытался изо всех сил, но сапоги не поддавались. Тогда мама перехватила меня поперек и прижала к себе, а папа тащил сапоги на себя, я же верещала как поросенок, но не от боли, а от страха, что мне ноги оторвут, да вдобавок, пожалуй, отшлепают, хотя папа меня никогда не бил.

Вытащили с помощью то ли скалки, то ли большой линейки, которую просунули к пятке и толкали мамины гетры изнутри наружу.

И таких «веселых» приключений со мной было еще немало: то голову засунула между дужками венского стула (а он был изготовлен на совесть, и папе пришлось потратить немало сил, чтобы хоть чуточку растянуть их вширь и вызволить мою голову), то зачем-то натолкала в нос зеленого гороха, и одна горошина втиснулась и застряла где-то глубоко у переносицы. Пришлось несколько дней ходить с припухшим носом и гнусавить, пока горошина совсем не разбухла от соплей и потом выскочила, как пробка от шампанского, когда я сильно чихнула,

Ну и много еще подобных приключений, и всегда рядом был папа, много разговаривал со мной и терпеливо воспитывал, отвечал на все мои «зачем» и «почему».

Как-то перед сном раздевал меня, и из кармана моего передничка вывалился позеленевший пятак. «Откуда это у тебя?». Я рассказала, что нашла его в земле, когда мы «пекли куличики» в соседнем дворе у моей подружки. Папа тут же вновь одел меня и приказал сейчас же отнести пятак к подружке.

На улице уже смеркалось и было безлюдно, я боялась идти одна и заплакала. Папа сделал очень строгое лицо: «И это дочка красного командира? Берет чужие деньги да еще и трусиха, боится?». Мне было и стыдно, и страшно: а вдруг выскочит какая-нибудь собака и покусает! С колотящимся сердцем добежала до соседней калитки, забросила в щелочку злосчастный пятак и бегом обратно. А у нашей калитки стоял мой папа и похвалил «за храбрость», и пока мы поднимались, пока он меня раздевал и купал в корыте, долго внушал мне, что никогда нельзя брать чужое, что говорить надо только правду, не врать, не трусить, быть смелой и отважной и всегда помнить, что я дочка командира Красной Армии.

Выросший в крестьянской семье, он умел делать, казалось, все. Потом, когда я уже подросла, он внушал мне: «Все, что ты видишь вокруг, сделано руками человека. Раз кто-то это делает, значит, и ты сможешь это сделать. Будь любознательной, все примечай и постигай. Когда-нибудь пригодится» (Позже эту заповедь отца я передала братишке Шурику, и он тоже стал «мастером на все руки»).

Еще в Стерлитамаке, до демобилизации, в часть не успели доставить или пошить летнюю форму обмундирования, поэтому всем командирам выдали материал с приказом к 1 мая явиться в новой форме. В мастерской заказ не принимали, тогда отец распорол старые гимнастерку и галифе, разложил на полу материал и по старым «выкройкам» скроил и сшил новую форму, и на парад пошел уже в ней.

А когда я училась в 4 классе, он научил меня вывязывать пятку шерстяных носок, что не каждая женщина умеет.

После увольнения в запас его, как члена партии, направили на работу в систему Башкоопинсоюза (союз кооперативных артелей инвалидов): нужно было возрождать народные промыслы, в стране не хватало товаров народного потребления и многого другого. Жилось очень бедно и голодно.

Вначале мы оказались в Воскресенске, если я не ошибаюсь. Там отец создал

чарный цех и производство сладостей. Я один раз была с ним и с интересом наблюдала, как лихо крутятся гончарные круги, и из куска глины под руками мастера вдруг являются красивый горшок или кувшин, миска, чашка и т. п. Мне один мастер сделал кукольный чайный сервиз и несколько горшочков. А в цехе кондитерском видела, как на длинном обитом жестью столе раскатывали в тонкий пласт горячее «тесто» из карамелизованного сахара с маком. Он быстро остывал и затвердевал, и из него потом ножом нарезали небольшие квадратики маковых казинаков. Меня, конечно, угостили – «царский подарок» по тем голодным временам! У нашей хозяйки, которая целыми днями пропадала на колхозном поле, грудной ребенок весь день лежал в люльке, облепленный мухами и «лакомился» жеваным ржаным мякишем, завязанным в узелок и засунутым ему в рот, и все время пищал – от слабости и голода, наверное. Я время от времени подходила к нему и запихивала в рот эту «соску».

Там, в 1930 году, у мамы родилась Риточка и умерла в 5-месячном возрасте. Риточка была таким чудным ребенком, беленькая с румяными щечками, пухленькая, глазки большие, как спелая вишня, с мягкими каштановыми волосиками. Как куколка!

К нам ходила тетка Ваза. Носила нам огромные, величиной с большую тарелку, соленые грузди, маслянисто блестящие и ядреные, изумительного вкуса и аромата, и заодно «лечила»: лечила мои ангины. Она засовывала мне в глотку толстый мокрый палец, обмакнутый в крупную соль и давила на гнойные гланды. После того, как я выплевывала гной пополам с кровью, она давала мне полстакана керосина, чтобы я прополоскала им свое горло... Поликлиник в тех краях, видимо, не водилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.